
Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

ЕН171
Н 384

Л. Троцкий.

НАШЕ ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

— II —

НАШИ ФРОНТЫ.

ДОКЛАД

на 7-ом Всероссийском Съезде Советов Рабочих,
Крестьянских, Красноармейских и Трудовых Казац-
ких Депутатов 7-го декабря 1919 года.

(Стенографический отчет)

Типография Издательства Политотдела III армии
1919 г.

ДОКЛАД Т. ТРОЦКОГО

на 7-м Всероссийском Съезде Советов Рабочих
Крестьянских, Красноармейских и Труд. Казаки
Депутатов 7. декабря 1919 года.

(Стенографический отчет).

ОСНОВЫ СТРОИТЕЛЬСТВА КРАСНОЙ АРМИИ.

Товарищи, Красная армия получила свое правовое, законодательное основание сперва в декретах Ц. И. К. от 22 апреля прошлого года, затем в основном принципиальном освещении в виде постановлений Всероссийского съезда Советов, пятого по счету, 10 июля прошлого года. В указанных декретах и постановлениях были определены те основные линии, на которых Советская власть, Военный Комиссариат в частности, обязывались строить вооруженную силу Советской республики. Эти постановления предписывали полное преодоление кустарничества и самодельщины в том деле, которое меньше всего мнителен с кустарщиной и самодельщиной. Отсюда вытекала необходимость строить армию на началах научных, правильных, регулярных. Это было сказано вами совершенно ясно и отчетливо. Отсюда вытекала, как один из видов, необходимость привлечь к этому строительству бывших офицеров старой армии, как людей, знающих военное дело больше, чем его в этот период знали представители рабочего класса, да знают еще и сейчас. Вместе с тем были заложены тогда же одновременно с Красной армией те основы, которые характеризуют все наше строительство. Это армия не «общенародная», но «общенациональная», не «демократическая» в кавычках, не армия учредительного собрания, это—армия **трудящихся классов**, которые борются за пересоздание всего общественного строя. Стало быть, в армию мы ввели классовый критерий. Из армии мы, при протестах, которые многим памятни, исключили эксплуататорские, паразитические, буржуазные, кулацкие элементы.

Армия должна отражать тот режим, который мы строим во всех областях общественной и политической жизни. Этот режим характеризуется политическим господством рабочего класса, опирающегося на широкие массы крестьянской бедноты и трудового крестьянства. Руководящая роль рабочего класса в армии была закреплена в виде института комиссаров, которых подбирали из наиболее испытанных, надежных и самоотверженных представителей рабочего класса.

В области материальной организации армии преодоление партизанства означало для нас возобновление постановки военного хозяйства на правильной основе, прежде всего — возобновление военной промышленности в необходимых размерах; взятие на учет всего имущества, необходимого для целей войны; установление правильного его распределения, контроля над его расходованием. Вот те положения, которые были установлены 5-м съездом Советов. Они служили руководящим указанием во всем нашем военном строительстве. Мы после 5-го съезда Советов со все

Большим успехом переходили к регулярному построению пашах вооруженных сил.

Прежде всего мы положили основанием армии правильную мобилизацию трудовых классов народа. К этому мы перешли не сразу. Для того, чтобы мобилизовать, чтобы не предоставить вопрос о военной обороне страны на произвол добровольческой стихии, нужно было иметь аппарат, пригодный для мобилизации, аппарат в виде местных военных учреждений. В первую эпоху при Народном Комиссариате по Военным Делах состоял Высший Военный Совет и его значение в истории нашего военного дела состояло в том, что он с необходимой энергией и последовательностью проводил организацию военных округов, губернекх, уездных и тогда еще волостных военных комиссариатов. Только после создания этого аппарата мы могли приступить ко взятию населения на учет и к его фактическому привлечению в ряды наших военных частей. Работа, которая в этой области совершалась, происходила все время под колоссальным давлением войны. В отличие от всех других стран, которые имели перед своей войной долгую эпоху так называемого вооруженного мира, в течение которой они строили и вооружали свою армию, мы нашу первую в мире рабоче-крестьянскую армию вынуждены были создавать под непосредственным давлением военных потребностей, под приставленным к горлу бритвами мирового империализма ножом. Мы создавали аппарат, при помощи аппарата одновременно строили армию и на работе этой армии проверяли иправляли аппарат.

Сейчас у нас страна в военно-административном отношении разбита на 8 военных округов. В этих округах числится 46 губернекх и 344 уездных комиссариатов. Это число сейчас довольно быстро растет. С Южно-го фронта требуют для украинских губерний опытных военных комиссаров—путья кадидаты на Харьков, Полтаву и на Киев в первую очередь.

ПЕРВЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ.

Первая мобилизация была серьезнейшим испытанием для нашего военного аппарата и в известном смысле для всей нашей Советской системы. Мы велегко решились произвести первую мобилизацию в Москве, которая охватывала летом прошлого года всего 10.000 рабочих. Для нового Советского строя создать аппарат, который мог бы и умел бы учесть, подсчитать, пойти военноробязанных и который был бы настолько авторитетен для призываемых, для мобилизуемых, чтобы они являлись на место и включались в части,—это, товарищи, не простое дело. Первая мобилизация в Москве городских рабочих, наиболее возмущающих в политическом смысле, разумеется, была легкой всего. Она показала уж что, что позволило нам этот опыт постепенно расширить на всю страну. В течение последнего отчетного года от нашего последнего 6-го съезда Советов до и наш его съезда мобилизовали очень много. Разумеется, я лишен права здесь называть цифры. Но и для кого из нас не тайна, что мы мобилизовали десятки тысяч в месяц, иногда эти десятки тысяч складывались в сотни тысяч, а эти сотни тысяч уже образуют миллионы за два года нашей гражданской борьбы (аплодисменты). Товарищи, эти цифры и имеют двойное лицо. Стало быть миллионы рабочих и крестьян вырываются из трудовой жизни и ставились в тяжкие ненормальные условия воюющей армии. Но вместе с тем, тот факт, что молодая власть революционного класса оказалась способной миллионы граждан страны поставить под ружье, показывает, что эта власть сильна и крепка опорой трудящихся масс. Армия наша состоит из крестьян и рабочих. Рабочие составляют ряд ли 15—18%. Но в нашей рабоче-крестьянской армии рабочие сохраняют руководящее положение, как они сохраняют его во всей Советской стране,

во всех областях жизни и работы. Это дает им преимущество большей сознательности, большей сплоченности, более высокого революционного закала.

АРМИИ НАШИХ ВРАГОВ.

Вы знаете, товарищи, что и наши противники, Деникин и Колчак, эти главные наши враги, начали с партизанских отрядов. Они, конечно, подходили с другого конца. В то время, как мы посылали красногвардейски части из штерских и московских рабочих по всей стране расширять область пролетарской революции, Деникин и Колчак создавали ударные, офицерские, юнкерские и студенческие батальоны. По нашим стопам они перешли затем на путь мобилизации крестьянских и отчасти рабочих масс. Им сперва казалось, что мобилизовать невозможно,—после распада старой царской армии и развала старых психологических связей, развала того элемента дисциплины, вне которого они не знали ничего. Когда они увидели, что мы—партия, выросшая по их представлению из каких-то глубин анархии, беспорядка, оказались способными мобилизовать сотни тысяч и миллионы, то они решили также испробовать это за свой, разумеется, счет. Они сделали на Востоке широкий опыт, и на первых порах он как будто бы дал надлежащие для них результаты. Это было впервые испробовано на армии Колчака, который при помощи звоня мобилизованных армий одержал большие победы. Но дальнейшая проверка огнем и мечом дала совершенно различные результаты на нашей армии и на армии Колчака. Пока у них, у Дутова, Колчака, у Деникина были партизанские отряды из наиболее квалифицированных офицерских и юнкерских элементов, до тех пор они развивали большую ударную силу по отношению к их числу, ибо, повторяю, это элемент большого опыта, высокой военной квалификации. Но когда тяжелая масса наших построений на мобилизации полков, бригад, дивизий, армий, вынудила их самих перейти к мобилизации крестьян, чтобы массу противопоставить массе, тут заработали законы классовой борьбы. И мобилизация превратилась у них во внутреннюю дезорганизацию, вызвала работу сил внутреннего разрушения. Чтобы это проявить, вскрыть на деле, понадобилось только удары с нашей стороны.

И, как ни отпадно нам созидать непосредственную боевую силу Красных армий, для нас еще важнее понять и определить социальную классовую почву наших побед. У нас правильная армия и там правильная армия, у нас мобилизованные массы и там мобилизованные массы, у нас главным образом крестьяне и там главным образом крестьяне. У нас руководят рабочие, а среди них—наиболее сознательные, революционеры, коммунисты там руководят офицеры, студенты, наиболее сознательные представители буржуазных интересов. У нас развитие борьбы дает сплочение, дает закал, у них развитие борьбы дает разложение и распад (агломерменты). Вот, где основа всего.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ.

Я упомянул о том, что армия,—и это есть основная мысль доклада, который я вам представляю—является сколком, отпечатком, отражением всего нашего общественного строя. Он основан на политическом господстве рабочего класса, опирающегося на крестьянство. В рабочем классе руководящую роль играет коммунистическая партия—руководящая Советская партия. И вот почему, делая доклад, как военный комиссар, а не как представитель партии, я никак не могу обойти той роли, которую играют коммунисты в рядах нашей армии. Ответственные посты комиссаров заняты в подавляющем большинстве случаями работниками коммуни-

стической партии. В каждом полку, в каждом батальоне, в каждой роте вы найдете коммунистическую ячейку. Наши положения, наши уставы гласят на этот счет, что коммунисты в армии не имеют никаких прав, только обязанности. Разумеется, было бы чрезвычайным оптимизмом утверждать, что все без исключения коммунисты в армии исполняют свой долг безукоризненно. Дело идет не о небольшой отборной группе, а об очень и очень большом числе работников коммунистической партии. Я не стану его называть, но скажу, что оно выражается шестизначным числом, стало быть никак не меньше 100.000 человек (аплодменты). Но это же время на самом деле оно много больше, и в подтверждение позволю себе тут сослаться на наших военных специалистов, на командный состав, в значительной части непартийный, я считаю себя в праве здесь снова сказать, что без этой коммунистической закладки, без самоотвержения, без примерной доблести лучших представителей рабочего класса, эта армия распалась бы прахом. И не раз командующие фронтами и армиями и главнокомандующий, когда на том или другом участке фронта дело складывается неблагоприятно, обращаются к Революционному Военному Совету прямо или через посредство соответствующих инстанций с просьбой, с требованием о присылке надлежащего количества коммунистов (аплодменты). Разумеется, товарищи, мы все очень высоко ценим тот факт, что и другие партии, которые приносят себя в оппозиционным и так-рываются являются за последнее время, мобилизовали известные количество своих работников для дела армии. Они там все прижимаются, как братья. Но я должен здесь же, отнюдь не собираясь отводить много места полемике, отметить один, по моему, поучительный и содержательный факт. В Харькове на смотре мне был представлен командный состав одного полка, где приблизительно четвертая часть состояла из меньшевиков. Я интересовался их дальнейшей судьбой. Их, аттестовали, как превосходных и самоотверженных борцов, которые оказались на высоте тех тяжелых испытаний, в каких была потом украинская армия. Но, прибавлю, когда в этом полку проходили какие-нибудь замшны, из довольства, ворчанья, а на Украине такие явления приводили легко к тяжелым осложнениям, эти командиры-меньшевики приходили к комиссару полка и требовали поскорее послать туда агитатора-коммуниста с коммунистической литературой (аплодменты). Они были хорошие солдаты, они хотели победы и они знали, что они да помогут своему полку распространением в нем декларации Мартова (аплодменты).

Товарищи, в той тяжелой борьбе, о которой когда-нибудь поэты напишут большие хорошие книги, в этой борьбе мынесли тяжчайшие жертвы — солдаты, командиры и комиссары, коммунисты расходуются без числа. Для коммунистов не может быть и не существует шлена: коммунист, который попадает в плен, гибнет безвозвратно. Были, правда, случаи, когда один из видных работников Московск. округа, товарищ Барышников, прекрасный боевой товарищ, не успел застрелиться в момент, когда попал в когти мамонтовской конницы. Барышников был повешен. Те, которых вы из своей среды выделяете с великим ущербом для общественной работы и посылаете туда не как рядовых, мобилизованных солдат, а как духовных руководителей, как людей, которые идут сражаться и учить других сражаться, бороться и умирать, они все знают, что для них не существует возможности попасть в плен. Сколько первоклассных борцов, комиссаров, командиров пуесли себя последнюю пулю в голову, когда не оставалось ничего, кроме позорного шлена. За два года, товарищи, объезжая фронты, я наблюдал, как складывается новая психология или, вернее, как старая человеческая психология получает новый стальной закал. Мы когда-то с ипиреем относились к японской кате самураев, которые во имя коллектива, национального, целого, не оста-

навыгиваются никогда перед смертью. Я должен сказать, что в лице наших комиссаров, передовых бойцов-коммунистов мы получили новый коммунистический орден самураев, который—биз кастовых привилегий—умеет умирать, и учит других умирать за дело рабочего класса (аллодисменты).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В КРАСНОЙ АРМИИ.

Связка между комиссарами, передовыми рабочими членами коммунистической ячейки и остальной массой воинской части достигается прежде всего при помощи политической работы, которой равной по размерам не знала еще ни одна армия. Эта политическая работа развернулась очень широко за последние годы благодаря широкому притоку работников, печать и средств. Достаточно сказать, что еще в январе этого года у нас в армии не было ни одной школы грамоты, а теперь 3.800. У нас до 1-го января было 32 клуба, а теперь 1.315. У нас до 1-го января не было ни одной подвижной библиотеки, а теперь 2.392; у нас расходуется—правда, по нынешней плачевной валюте,—сотни миллионов рублей в год на культурно-просветительную работу в армии. Эта работа ведется в деревни, на заводы и фабрики людей, которые будут двумя и тремя головами выше тех, которые вышли из деревень, фабрик и заводов в армию (аллодисменты).

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ.

Вопрос о командном составе представлял для нас огромные затруднения. Этот вопрос во все критические эпохи, во все переломные революционные периоды истории представлял огромные трудности для государственной власти, тем более у нас, где дело шло о совершенно новой по классовому содержанию и по типу государственности. Помню, как 22-го апреля прошлого года, когда мне приходилось докладывать ЦИК доклады, определившие путь формирования Красной армии, в этом числе отсталать необходимость привлечения военных специалистов в армию и учреждения института комиссаров, я просил бы представителя оппозиции вспомнить об этом факте не для полемики, а для того, чтобы облегчить возможность чему-нибудь учиться друг у друга, если мы действительно хотим работать на почве советского режима,—я просил бы вспомнить о том, что нам тогда было сказано, я помню это твердо, не заглядывая в старые протоколы, нам было сказано, что мы армии не создадим, что это смехотворный проект, что мы к контр-революционным командирам приставляем комиссаров в виде двух архангелов. С того времени прошло бы ее, чем полтора года. Вы знаете, какие тяжкие это были времена в военном отношении вообще и в частности в деле внутреннего строительства армии. У нас оказалось не мало предателей и изменников, немало случаев перехода бывших офицеров в лагерь врага. Возьмем историю самой блестящей в мире армии—армии Великой французской революции. Она складывалась путем амальгамы, как тогда говорили, из старых королевских линейных батальонов и из новых добровольческих батальонов. Из 15.000 человек королевского офицерства около половины бежало в лагерь контр-революции и изопленного врага, другая половина вместе с новыми командирами осталась на службе революционной Франции. Возьмите гражданскую войну в Соединенных Штатах в 60-х годах прошлого столетия, там в новой форме то же разделение командного состава. Верхушка офицерства разделяется. Большая часть перебегает на юг к рабовладельцам и обеспечивает первые месяцы и годы перевеса южанам, пока революционная армия севера не создала себе необходимого кадра командного состава при его помощи—армии. Приливы и отливы были в этом процессе и у нас происходил сложный естественный и искусственный отбор, в котором играло роль много факторов, прежде всего, самый ход военных операций, наши неудачи и успехи, наше международное положение. Важнейшее влияние имело сотрудничество наших комиссаров с командирами. Я позволю себе здесь подчеркнуть еще раз, что на многих бывших ге-

ператов, полковников и т. д. привозил колоссальное впечатление тот факт, что московские и питерские рабочие с корявыми руками в вопросах политики и мирового развития понимают в десять раз больше, чем они, — ученые военные специалисты (аллодисменты).

Бывшие офицеры постепенно приучались с уважением относиться к своим сотрудникам-комиссарам. Они наблюдали издали в день, как комиссары, при делегатах правлений партии, делегированные центром для ответственной работы, отдают себя делу целиком, не требуют для себя никаких привилегий, являются первыми туда, откуда грозит наибольшая опасность. Это нравственное влияние комиссаров не могло не привлечь лучшую часть командного состава к тому классу, к тому режиму, который имеют тысячи и десятки тысяч так называемых работяжков для своих нужд.

Таким образом, наша армия не только механически вливалась в свой состав десятки тысяч бывших кадровых офицеров, а дело идет именно о десятках тысяч лет, она много лет тягачи из этих организационных и психологических втягивала, нравственно перерабатывала и подчиняла новому духу, который господствует в нашей армии не за страх, а за совесть.

КОМАНДНЫЕ КУРСЫ.

Наряду с этим, товарищи, мы, на основании вашего постановления, создали очень значительное количество курсов командного состава для наиболее боевых рабочих и сознательных крестьян, как из старой армии, так и из нашей Красной армии. Не буду называть цифр, по причинам весьма понятным. Скажу только, что этих курсов имеется несколько десятков. Число курсов за последний отчетный год возросло втрое, число курсантов возросло втрое, так что армия все более пополняется в области низших командных должностей непосредственными выходцами из фабрик, заводов, деревень, которые проходят краткосрочные командные курсы. Затем, после получения необходимого ба оло стажа, в навтученных боевых частях, наиболее способные проводятся нами через средние военные школы и становятся командирами рот, командирами батальонов, бригад и, наконец, наиболее подготовленные проводятся через нашу красную академию морального штаба и через наши артиллерийские и инженерные академии.

КОМАНДИРЫ-ПРОЛЕТАРИИ.

Наконец, товарищи, у нас есть известное количество ответственных командиров, которые не прошли ни старых школ, ни новых военных курсов и академий вообще. Это нередко те коммунисты, которых мы отправляли на фронт, чтобы присматриваться к военному делу и вносить политическое сознание в среду красармейцев, и которые благодаря личным качествам в короткое время приобрели необходимый стаж для занятия крайне ответственных командных постов. Здесь выступал представитель туркестанского фронта, тов. Фрунзе. Весь старый боевой стаж его состоял в том, «если не ошибаюсь, что он стрелял по приставу, который расстреливал рабочих (смех и аллодисменты). Я не сумею вам доложить, попал ли он в приставу или нет. Но затем он был отправлен на фронт, после того, как работал окружным военным комиссаром. В настоящее время он командует армией фронта, и, по отзыву Главного Командования, с успехом командует. Восьмой армией, одной из лучших, командует тов. Сокольников, которого мы звали в свое время как члена Ц. К. партии, как прекреального журналиста и оратора, но вполне штатского. Теперь он командует армией и, опять-таки по отзыву Главного Командования, хорошо командует. У нас есть в качестве одного из блестящих командиров бывший молодой не то прапорщик, не то подпоручик тов. Тухачевский, который провел ряд блестящих операций в решающих действиях против Колчака (аллодисменты). В дивизии мы найдем еще большее разнообразие.

Мы найдем там не мало бывших унтер-офицеров, являющихся ныне дивизионными генералами по старой терминологии. Небольшими армиями у нас командовал бывший младший нестроевой унтер-офицер, который раньше имел достаточно мирную профессию—он бывший стрелкомехер. В этой области, товарищи, у нас нет никакого шаблона, нет какого-либо «принципа», мы ищем хороших, верных командиров всюду, где можем, и если где-где командует на соседних участках дивизии бывший генерал и рядом—рабочий металлист, из бывших унтер-офицеров, и если они конкурируют друг с другом в проявлении искусства и доброй энергии, то тут нет преграда для фр.Соче-крестьянской революции (аллодисменты). Измены, правда, продолжались до последнего времени. Совсем недавно являлась крупнейшая измена в Петрограде, где во главе заговора стоял полковник генерального штаба Люндквист. Но, товарищи, наряду с изменами и изменниками, наряду с агентами чужеземного империализма, Люндквистами, кадровые офицеры в составе Красной армии имеют своих героев и мучеников в лице генерала Станкевича, генерала Николаева и других, имена которых пока еще не записаны ни в памяти, ни на бумаге. Мужественный генерал Николаев, повешенный Балаховичем, торжественно похоронен в Петрограде. Генерала Сталявича мы хоронили не так давно здесь, под стенами Кремля, на Красной площади. Это—старик 62 лет. Он был помощником командующего 13-ой армией и во время отступления я попал в плен. От него требовали перехода на сторону врага, он отказался. Ему выжили на груди каленым железом нашу красную звезду—ее выдала многие товарищи здесь, в Москве. Он, старый генерал, сам надел на себя веревку, оттолкнув палача, он умер достойно за дело рабоче-крестьянской революции (аллодисменты).

Разумеется, случаи измены и предательства необходимо порождают подозрительность и бдительный контроль, который иногда больно ударяет по тем нашим товарищам и собратиям по военному делу, которые вышли из ряды старой царской армии, в качестве бывших офицеров. Это тяжелое положение многих из нас приходилось наблюдать не раз. Но, я думаю, что сейчас настал период, когда из него выход намечается более и более. Красная армия и советский режим доказали силу, и тот слой командиров, который колеблется, шатается, глядит где сила, чтобы приткнуться к ней, этот слой становится все меньше и меньше. Процесс, который происходит в командных кругах Красной армии, процесс выработки не партийной, но советской идеологии, должен найти выразительное открытое выражение. Должны создаваться такие твердые взгляды, такая советская атмосфера в среде бывших кадровых офицеров, которая уничтожила бы всех этих тушинских воров и перелетов,—чтобы каждый кадровый офицер знал, что это—не временная служба по волеизъявлению, а высокий подвиг, подвиг духа, подвиг крови,—что тот, который носится с задней мыслью, ходит с камнем за пазухой, тот, кто поглядывает с надеждой туда, на военный фронт, чтобы таким образом ни морально, ни физически не оставалось места в среде бывшего кадрового офицерства, с честью служащего ныне рабоче-крестьянской Республике и отстаивающего ее независимость, ее будущность на всех фронтах.

НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ.

Во всяком случае, товарищи, в этой области, как и во многих других, мы через самые большие затруднения прошли. Тем самым открываются новые перспективы в возможности. Из перестройки психологии старого кадрового офицерства, сознание широких командных кадров из среды рабочих и крестьян, появление целого ряда боевых командиров-самоучек из среды партийных работников, появление выдающихся командиров, как Буденов, бывший унтер-офицер старой армии, который с успехом командует очень большим кавалерийским соединением,—это образование вполноценного красного команд-

ного состава обеспечивает нам возможность постепенного перехода к **единоначалию**. Ибо, конечно, комбинация из командира и одного или двух комиссаров, комбинация, над которой в свое время пошучивали представители оппозиции, не является идеальной и вечной комбинацией в военном деле. Наоборот, военное дело требует в лице командира единства во мнении, политического и морального авторитета. Чем больше мы получаем надежного, прочного, сознательного, самоотверженного командного состава, тем больше создается почва для введения полного, единоначалия, при сохранении, разумеется, всего значения за аппаратом политической работы. Это есть одна из тех задач, в разрешении которых мы в области военно-организационной должны в ближайшем будущем приступить.

СНАБЖЕНИЕ КРАСНОЙ АРМИИ.

Вопросы **снабжения** представляли для нас громадные затруднения. Наш советский аппарат в этой области подвергался тяжчайшему испытанию и—выдержал его. Был период, когда наши заводы не производили ни одного патрона, ни одной винтовки, ни одного пулемета, ни одного орудия,—период, когда старый аппарат распался, а к созданию нового мы еще всерьез не приступили. Когда мы восстановили военную промышленность, производством в первый месяц дали крайне скромные результаты. Я скажу, не имея возможности назвать абсолютные цифры, что последний производственный месяц дал результаты в 10—15 раз большие, чем тот первый месяц, когда мы приступили к работе. И здесь можно сказать то же самое, что и по отношению к мобилизации; этот факт имеет два лица, он означает, что мы нашу истощенную страну вынуждаем работать для дела войны. Но мы вынуждены воевать. Раз мы вынуждены воевать, мы должны быть вооружены, и мы хотим быть хорошо вооружены. Мы достигли необходимых результатов. Наш аппарат оказался способным восстановить военную промышленность. Мы в этом отношении стоим сейчас вполне твердо на двух ногах. Опасность того, что мы погибнем из-за отсутствия патронов, винтовок, пулеметов и орудий, опасность, которая нам пришла 8—10 месяцев назад, уже не существует, она исчезла, ее нет (аплод.). Этот самый факт, скажу я, отхода на шаг в сторону, свидетельствует, что аппарат, который способен в несколько месяцев наладить военную промышленность, будет способен наладить промышленность вообще, когда мы для промышленности откроем источники Донецкого угля, нефти на Кавказе, как мы уже открыли источники Туркестанского хлопка. Стало быть здесь испытание военного аппарата, есть испытание высшего звена вообще.

Военное снабжение сосредоточено ныне во всех этапах,—в производственном, распределительном, учетном. Во главе всех военных снабжений поставлен несколько месяцев назад тов. Рыков с широкими полномочиями. Это обстоятельство—сосредоточение и ответственная важность дела в одних руках при деятельном содействии профсоюзам и другим рабочим организациям—дало, как я уже сказал, крупные производственные результаты. В области учета наличного имущества мы также достигли больших успехов: мы точно знаем, что у нас есть, чего у нас не хватает, мы знаем сколько сапог и шинелей будет у нас в следующем месяце. Признаюсь, это было не так просто для нас в начале нашей работы—подсчитать имущество, взять его на учет, научиться маневрировать им сообразно с потребностями и операциями наших войск. Теперь наша армия в основе обута, одета, накормлена по крайней мере на наиболее для нас достижимых фронтах. Между нашими органами снабжения и В. С. Н. Х., с одной стороны, Наркомпродом и Наркомпути установлены правильные отношения сотрудничества, которое позволяет чем дальше, тем больше работать без перебоев.

Военное снабжение поставлено, однако, в трудные условия, потому что вся наша страна нуждается в снабжении: у рабочих и у крестьян нет сапог, белья и шинелей. Поэтому то там, то здесь открывается веронка, через которую военное снабжение протекает в руки прагматического жителя, чаще всего через самих солдат. Конечно, это можно объяснять, по этому нельзя допустить, потому что в первую голову нужно одеть Красную армию. Я уже не говорю о том, что обмундирование, которое вытекает из рядов армии, становится слишком часто предметом купли, продажи, преступной спекуляции на разных рынках и задворках. Здесь мы еще не достигли необходимых результатов. Мы теперь приступили к борьбе против злоупотреблений с воинским обмундированием. Я останавливаю ваше внимание на этом прагматическом вопросе, ибо он имеет для нас колоссальное значение: мы не сможем, идя далее таким же темпом, одеть и обуть нашу армию. В борьбе против хищного рабства и преступной растраты мы идем двумя путями: во первых—более точный учет не только наверху, но и внизу в самых воинских частях, более правильная постановка ротного и полкового хозяйства, точные артиллерийские списки, введение в жизнь служебной книжки солдата, в которой точно записано, что он получил. Другой путь—не ведомственный. Необходимо мобилизовать общественное мнение передовых рабочих и сознательных крестьян, начиная от волостных исполкомов и фабрично-заводских комитетов, против злоупотреблений воинским обмундированием, чтобы всем было ясно, что сейчас это для нас шинель и сапоги—незаменимая составная часть наших средств против наших врагов. Только при этом условии наш Центральный отдел военных заготовок, который сейчас работает несравненно лучше, чем несколько месяцев назад, окажется способным одевать и обувать Красную армию без перерыва.

Если подвести итоги сказанному о строительстве Красной армии, я скажу бы, что у нас нет оснований менять наши методы, линии вашей работы в деле построения Красной армии. Нам нужно эти методы развивать, углублять, улучшать.

ВОСПИТАНИЕ КОМАНДНОГО СОСТАВА.

В области воспитания нашего командного состава, перед нами стоит задача увеличить число курсантов и приблизить самое преподавание к новым условиям и формам нашей войны. Тут в общем преподавание слишком еще много рутинно, старинно, внешней теоретичности. Между тем состав курсантов, рабочих и крестьян, требует более практической приближенной к местности системы преподавания. В этом смысле жалобы фронтов нашли отклик в центре. Изменения производятся и будут производиться до конца.

ЗАБОТЫ О СЕМЬЯХ КРАСНОАРМЕЙЦЕВ.

Нужно, товарищи, лучше поставить дело заботы о семьях красноармейцев на местах. Это вопрос, который имеет огромное значение и отражается на моральном состоянии солдат. Я получил в президиуме напоминание об этом от одного из делегатов. Это—вопрос огромной важности. И в этом отношении местные советские учреждения делают не все, что могут сделать.

Нужно далее больше забот, больше внимания к больным и раненым красноармейцам. В этом отношении наблюдаются факты, совершенно недопустимые и постыдные для рабоче-крестьянской страны. У нас слишком часто, в силу отчасти общей вашей бедности, отчасти притупленности сознания ко всякому горю, у нас сплошь и рядом боец, который ранен и вышел из строя, совершенно исчезает с поля брани, а медицинский персонал и сестры относятся к нему далеко не всегда внимательно. Я скажу прямо, что буржуазия умеет окружить своих раненых, главным образом, конечно, офицеров, гораздо большим вниманием, чем мы окружаем наших раненых и больных красно-

армейцев. Я прошу вас, вернувшись на места, поставить этот большой вопрос в порядок дня обсуждения местных советских учреждений. Необходимо за помощь официальным военно-санитарным учреждениям мобилизовать общественную советскую инициативу, рабочих и работниц, крестьян и крестьянок. Опыт Петрограда и Москвы показывает, что в этом отношении можно достигнуть больших результатов.

ВОЕННЫЙ ТРАНСПОРТ.

В вопросе о транспорте я упомянул, что мы устанавливали правильные организационные отношения с ведомством путей сообщения. Народный Комиссар путей сообщения и его заместители поставленным Совнаркомом введены в Реввоенсовет Республики. Но сотрудничества на верхушке недостаточно. Наши железные дороги большую часть своих сил и средств, по условиям гражданской войны, отдают военному транспорту. Это теснейшее сотрудничество, возложенное на нас в обязанность постановлением Совнаркома, должно проводиться на местах, особенно во вся нашей обширной фронтовой и прифронтовой полосе. Здесь есть много представителей армий и фронтов, а на этот вопрос первостепеннейшей важности я позволю себе обратиться их вниманию.

Ойчас все зависит от транспорта. Скажу прямо, у нас на Восточном фронте есть не одна дивизия, которую мы могли бы перебросить сейчас на юг, после разгрома Колчака и добить Денкина в короткий срок. В чем затруднения? Это затруднение в транспорте. Разумеется, мы его преодолеем. У ведомства протовозможности в элеваторах на складах большое количество продовольствия. Но в чем затруднение—в транспорте. А главное затруднение транспорта—в топливе. Отсюда для армии вытекают две задачи: во-первых, со строжайшим вниманием, контролем и бдительностью относиться к тому, какое употреблено находят подвижные средства на фронтах. Сейчас удержание лишнего вагона, а не говорю уже о паровозе, удержание без нужды лишний час лишнего вагона есть тяжчайшее преступление против интересов рабочего класса и крестьян, и вы, товарищи, делегаты фронтов и армии, на местах должны провести эту мысль в сознание всех работников военного ведомства и установить такой порядок, что если кто не проявит в этом смысле должного чувства ответственности, тот будет привлечен к тяжчайшей судебной ответственности за нарушение основных продовольственных и других потребностей трудящихся масс.

В то же время никто, как военное ведомство, с его обширными силами и средствами, может и способно сейчас прийти на помощь железным дорогам в области топлива, в особенности в прифронтовой полосе, где у нас огромное количество превосходных советских работников. Если в Москве не хватает топлива, то не потому, что здесь «бюрократизм», как говорит оппозиция, а потому, что $\frac{1}{4}$ лучших работников Москва дала на все фронты. Но на этих фронтах лучшие работники, оказывая на силы и средства военного ведомства, могут обеспечить в первую голову железные дороги фронтовой и прифронтовой полосы необходимым количеством дровяного топлива. Это делается уже сейчас и это должно делаться с все более и более усиленной энергией.

О ПРЕДСТОЯЩЕЙ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ.

Таковы, товарищи, практические заключения. В области перспектив у нас возникает вопрос о дальнейшей судьбе нашей Красной армии. Когда она доведет свою борьбу до конца и мы заключим мир, тогда встанет перед нами вопрос о демобилизации. Этот вопрос ойчас может показаться слишком галагательным, чтобы на нем останавливать внимание высшего законодательного органа советской страны. Я ограничусь лишь необходимыми словами. Вопрос о демобилизации, вопрос очень сложный и ответственный, требующий боль-

шой подготовки. Мы к этому приступали, и своевременность приступа признают все, в виду несомненного поворота в международной нашей судьбе, что мы констатируем на этом съезде.

МИЛИЦИОННАЯ СИСТЕМА.

Но если говорят о заключении мира в ближайшем месяце, то этот мир нельзя будет еще называть вечным миром. Пока остаются классовые государства, пока остаются могучие очаги империализма на Дальнем Востоке и в Америке, и в Европе, до тех пор не исключена возможность того, что мир, который мы намерены заключить в ближайший период, окажется только более длительной для нас перемиришкой, по нового покушения на нас империалистических хищников запада и восточа. Эта возможность не исключена, стало-быть, дело может идти не о разоружении, а об изменении организации вооруженных сил государства. Нам нужно вернуть рабочих на заводы, крестьян в деревни, восстановить промышленность, поднять сельское хозяйство. Стало-быть, нужна война с работником, почти приблизить к фабрикам, к селам и волостям. Стало-быть, нужно перейти к проведению в жизнь **милиционной системы** вооруженных сил Советской Республики. Сейчас даже среди наиболее консервативной части наших военных специалистов все более и более стихают возражения против милиционной системы. В самом деле, и кровавая война научила в этом отношении кое-чему наиболее закорючатых педантов. В мировую войну все первоклассные милитаристические государства выступили с армией, которая оказалась ничтожной по сравнению с той вооруженной силой, какую выбросили на поле мировой войны в момент ее наивысшего развития. Вот несколько цифр: Россия имела накануне войны 1.320,000 солдат, довела число солдат во время войны до 6.860.000. Франция имела 630,000—довела до 4.500.000. Германия имела 770,000—довела до 5.490.000. Австро-Венгрия имела 390,000—довела до 3.500,000. С. Штаты имели 252,000 и выставили до 1.790.000.

Другими словами, число солдат, которое сражалось во время империалистической войны, превосходило в 5—7—9 раз число тех солдат, которые входили в постоянную армию мирного времени. Это значит, что армии земели кадры постоянных войск, а затем во время войны импровизировали фактически милицию, широкую национальную армию, которая, однако, опиралась на слишком узкий фундамент этой постоянной регулярной армии. Одна национальная армия оказалась лучше, другая хуже, но, во всяком случае, сражались не те армии, которые имелись в виду военными теоретиками и генеральными штабами всех стран. Разрешение вопроса путем одного колониального шара не вышло. Понадобилось обратиться к основным источникам почвенным и почвовещным, доходить до глубочайших глубин и стало-быть, импровизировать.

Социалистические партии Второго Интернационала стояли за создание милиции в мирное время. Больше отстаивал эту идею со свойственным его гению блеском, в виде парламентских законопроектов в своей книге о новой армии. Он, правда, представляет себе в своем демократическом утопизме, что путь от к первой армии прозякает постепенно, незаметно, путем частичных реформ, как и переход к социализму, должен был, по его представлению, совершиться путем постепенной демократизации. В этом отношении он глубоко ошибался. История указала человеку путь другой путь—путь жесточайших кровавых столкновений мировой империалистической войны и затем гражданской войны. Но идея милиции, т. е. превращение армии в вооруженный народ, приближение армии к земле и фабрике, создание полковых, бригадных и дивизионных территориальных округов, где имеется командный кадр и занимается обучением военному делу рабочих и крестьян, при чем каждый рабочий и крестьянин соответственной возрастной

категория принадлежит к определенному округу, стало-быть, включен заранее в определенный полк и его могут сразу полнять и поставить под ружье,—эта идея стоит перед нами, как единственная возможная перспектива нашей постоянной вооруженной силы мирного времени. На этот путь нами переводится управление Всевобуча, которому предстоит огромная работа.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТАХ.

Вот, товарищи, по части строительства Красной армии все, что я могу вам доложить. Теперь позвольте перейти к вопросу о действиях Красной армии на наших фронтах, (апплодисменты). Вам, товарищи, здесь розданы схемы наших фронтов. Вытравленные нашим почтовым штабом под руководством его начальника П. П. Лебедева. На этих схемах вы найдете линии наших фронтов, как они сложились к 27 ноября (на карте не точно указано к 1 декабря). Вы можете потом на досуге рассмотрите карты, товарищи чтобы не затруднять на собраниях друг друга. Те основные мысли, которые я вам скажу, будут вам вполне доступны и без карты перед глазами.

За все это время, товарищи, как я и менялось наше военное положение, оно оставалось в одном отношении неизменным: мы были окружены со всех сторон. У нас есть фронт северный, западный, южный и восточный, который разбился на две части—на восточный собственно и на туркестанский. И только наши успехи на восточном фронте открыли нам некоторый просвет туда, в глубины азиатского материка. Пока еще, однако, этот процесс не успел нам дать все ожидаемые нами от него результаты. Он их даст.

Но сегодня мы еще остаемся окруженными со всех сторон.

Мы занимаем центральное положение по отношению ко всем нашим фронтам. Это дает нам огромно военное преимущество и позволяет нам перебрасывать с фронта менее важного или более устойчивого резервы на фронт более важный или менее устойчивый. Это преимущество, однако, ложится большой тяжестью на наши транспортные средства, что, в свою очередь, отражается на всем хозяйственном состоянии страны. Покончить с этим положением может только наша решительная победа на юге.

СЕВЕРНЫЙ ФРОНТ.

Начнем, товарищи, обзор наших фронтов с фронта наиболее непохожего, наименее драматического—северного фронта. Он сложился после захвата Архангельска англо-американцами, путем десанта и, главным образом, путем воздушного налета. И если вспомнить тот период, как впервые наши заточенные полки, слабые подобие полков, разбежалось без боя в Архангельска, когда над нами появилась воздушная эскадрилья английских бомбитов, и сопоставить с этим ту армию, какую мы имеем сейчас, ту, которая сражалась под Иль-Троградом и отстояла Петроград, то можно сказать, что мы сделали за это время немалый шаг вперед. Северный фронт был полем битвы Архангельска малоподвижным фронтом. Объясняется это тем, что он не был для нас никогда и подвижным фронтом. Операции там велются на очень ограниченном пространстве, т. е. территориально на огромном пространстве, но непосредственные боевые действия развиваются по долине вдоль ж. д. или вдоль рек. Там три важнейших направления,—Мурманское, Архангельское железнодорожное и Северо-Двинское. Слеза за нашими свотками, вы знаете, что там не зарегистрировано крупных военных событий. Но я пульсуюсь случаям, чтобы отгадать здесь должное исключительное героической работе тамошних наших солдат, командиров и комиссаров. Там самые тяжелые климатические условия. Зимой жестокий холод, глубокий снег. Иногда по грудь в снегу приходилось на дровах перетаскивать оружие. Осенью, весной, да и летом там глубокая грязь, тяжелые санитарные условия. Более того, мы там имеем тот случай, когда наши красные войска вообще не склонны торо-

питься на месте, привыкнув наступать или при долгом востое разлагаться, мы имеем случай, когда в этой тяжелой атмосфере на О вере создалась чаша, которая, несмотря на неподвижность фронта, отключаются превосходным упорством. И северный фронт дал нам для других фронтов немало прекрасных полков, дал нам в частности несколько полков под Петроград, дал нам целый ряд прекрасных командиров и работников. Достаточно назвать командующего ныне западным фронтом товарища Гиттиса, командующего ныне 6-й армией товарища Самойло.

Задача северной армии ясна и проста: очищение нашего севера. Нет сомнения, что настанет час, и он не далек, когда 6-й армии будет вручена главным командованием достаточно длинная метла, чтобы смети отсюда с Беломорского и Мурманского побережья белогвардейские банды (апллодменты).

До этого момента у нас остается прочная уверенность в том, что 6-я северная армия не допустит белогвардейцев на юг, к Петрограду, на Вологду, на разрыв Северной ж. д. В лице северной армии мы имеем в тяжку к и в неблагоприятных условиях честного и верного часового Советской Республики (апллодменты).

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ.

Наш восточный фронт представлял собою очень важный, в известные моменты, решающий фронт Советской Республики. Позвольте вас сперва позакончить с несколькими цифрами показательными для результатов наших боев. Из этих цифр ясны будут размеры наших побед на восточном фронте.

В общем, в результате нашей борьбы за последние отчетный год наши войска вернули Советской Республике 1194 тысячи квадратных верст с населением в 15,880 тысяч душ, не считая в пространственном отношении в отношении на ления Туркестана, относительно которого сведения даже с дост. точной приблизительностью сейчас еще даны быть не могут. Из этого числа один восточный фронт вернул до 27-го ноября Советской Республике 130 тысяч квадратных верст с населением до 13 миллионов 213 тысяч душ, дьявничю долю всех завоеваний Красной армии. С а м л е у т а т л д, ибо за последние два наша армия выдвинулась снова значительно вперед. Вы знаете, что главное руководство операциями на восточном фронте принадлежало нынешнему главнокомандующему С. С. Каменеву, присутствующему здесь в ложе перед лицом 1-го Съезда Советов (продолжат. апллодменты, все встает).

Там, на восточном фронте мы начали создавать наши первые правильные армии под Казанью и Симбирском, в августе прошлого года. Мы имели сперва крупный успех, который закончился взятием Оренбурга, Уральска и Уфы, успехи наши, с небольшими перерывами продолжались до начала марта настоящего года, когда Колчак из глубины Сибири подвел свежесформированные резервы и ударив на нас тяжелой массой, отбросил наши войска назад. Все понят эти критические недели марта и апреля, когда войска Колчака приближались к среднему плесу Волги, были от Казани в расстоянии 70—80 верст, от Волги у Спасска в расстоянии 30 верст. Мирная О р ж уже дисконтировала Колчака, как коронованного властителя поработанной страны. Тут было сделано первое великое напряжение Советской власти, партии, рабочих организаций, в краткий срок были мобилизованы, созданы, построены, вооружены и обучены свежие части, влиты в армии Востока тысячи коммунистов, наше военное строительство вообще приобрело новый темп, достигло особого напряжения, были созданы при фронтах управления формированиями, которые дополняли работу Всероссийского Глав-

ного Штаба совершаемую им под руководством Н. Ю. Раттель. Наша работа в области политического воспитания армии получила удвоенное, утроенное напряжение. Это дало свои результаты при опытным оперативным руководством уже в конце апреля. С апреля мы переходим в наступление на Бузулук, Бугульму и Белебей, которое развертывается далее непрерывно и течение мая, июня, июля и августа. Мы переваливаем через Урал, и переходим Тобол, отбрасывая врага за Ишим. В начале сентября Колчак делает последнее усилие и противопоставляет нам свои последние резервы. Мы отходим на сотню—две верст назад за Тобол и закрепляемся там. Наши войска приводят себя в порядок, пополняются и переходят снова в наступление, нанося Колчаку на этот раз смертельный удар. Об этом свидетельствуют факты и все сведения, которые получены отсюда. Последние сообщения, которые дал И. И. Смирнов, один из наиболее выдающихся работников наших сибирских армий, при делегате Сибирского Ревкома, гласит: (читает); «Алтайская губерния захвачена повстанцами. Нами отправлен туда ревком. Томская и Енисейская губернии охвачены восстанием. партизаны добывают Колчака. Перед армией и Совревкомом встали на первый план организационные задачи. Зима должна пройти под знаком творческой работы».

Таким образом, в значительной мере Сибирь из рук армии переходит сейчас в руки советских учреждений, партийных, профессиональных организаций, для культурного советского строительства (аппоцименты).

ТУРКЕСТАНСКИЙ ФРОНТ.

Наши успехи на востоке привели к необходимости отделить от Восточного фронта фронт Туркестанский. После того, как мы взяли, затем отстояли Оренбург и в районе Оренбурга разбили южную армию Колчака, так что около 45,000 человек слалось нам в плен, открылись ворота, или вернее приблизилось открытие вьют на Туркестан. Окончательное соединение войск Туркестанского фронта, т. е. того нашего фронта, который лично поставил к Туркестану, с теми войсками, которые были в самом Туркестане, произошло, если не ошибаюсь, в середине сентября, в районе ст. Эмба, Оренбургско-Ташкентской ж. д., которая функционирует на всем своем протяжении. Она технически исправна, по ней прошли уже первые поезда с хлопком и отправились в Туркестан эшелоны с военными частями. Запутаннее в том, в чем и везде—в толпы, но у командующего туркестанским фронтом есть надежды и виды на то, что эти затруднения будут устранены местными топливными средствами.

Туркестанский фронт открыл перед нами неисчерпываемые возможности.

Наш успех на Востоке, воссоединение Туркестана с Советской Республикой подняло авторитет Советской власти на всем порабоженном и угнетенной азиатской материке. Первым посланцем из Азии было у нас чрезвычайное посольство Афганистана. Туркестан является дещер предметом великого внимания для всех сознательных элементов Азии. И там, в Туркестане, передовые элементы Азии,—Афганистана, Белуджистана, Персии, Индии, Китая, Иордии,—которые претерпевали и претерпевают колониальный и полуколониальный гнет стран, там они найдут новые идеи и новые средства для своего национального и социального освобождения.

Все это, однако, еще в будущем. Ближайшая наша задача в Туркестане, в военном отношении состоит в том, чтобы вполне приобщить его к Советской Республике единством организации и единством армии, и первым делом все партизанские части, какие там имеются, подчинить общему режиму. Об этом я скажу, однако, в общей связях после того, как закончу обзор фронтов.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ.

Западный фронт наш в свой судьбо был непосредственно всего связан с судьбами Советской Республики. Этот фронт—после того, как он остался нам, как наследие от старой империалистической войны, был изменен к нашей выгоде, после прекращения в Брест-Литовских переговорах. После крушения германского милитаризма мы, в лице эстонских, латышских, литовско-белорусских частей переходим в наступление, которое после, в марте, достигает наивысшего развития; значительная часть Эстонии, значительнейшая Латвии, Литвы, Белоруссии подпадает под власть рабочего класса. Там создаются свои армии, но в этот момент Антанга оказалась способной своей же вооружить и двинуть против нас буржуазно-кучащие и идейно и материально подчиненные им крестьянские в аломешты стран, выделавшихся в западной полосе из бывшей царской империи. В спрем эти белогвардейские армии переходят в наступление в против нас. Это происходило одновременно с наступлением Колчака на востоке и жестоких лаших бою на юге. Мы не могли с достаточным успехом справиться наступление белых армий Польши, Латвии, Литвы, Эстонии. Оттуда рабочая власть постепенно отступает на запад, сдавая один пункт за другим, в том числе такие крупнейшие центры, как Вильно и Ригу. Только к началу сентября это отступление приостанавливается по линии Западной Двины от Полоцка, до Двины, затем по линии Березины до Припяти. Здесь мы стоим в в настоящее время.

На этом западном фронте, который с сентября остается неподвижным от Пскова к югу, северная часть дает нам драматическую картину наступления в жестоких бою, о которых здесь упоминали разные докладчики в ораторы в разной связи. Там дело шло о Петрограде и его судьбе, мировая буржуазия о ризах Петрограда стала жабий. Петроград дважды отстоял доблестная 7-я армия в соединении с 15-й армией западного фронта, при тероической поддержке петроградского пролетариата, которого вы удостоили награжден им орденом Красного Знамени (аплодисменты). Там были жестокие бои и тем передовые борцы рабочего класса щедро расходовали своей героизм, свое самопожертвование и свою жизнь в тягчайших условиях холотных дней нашей первой зимы. Поле брани под Петроградом было подлинным полем брани, где многие из отважных, в ступилих остались навсегда.

Петроград наши армии отстояли. А был момент, когда он подвергся вети-чайшей опасности момент, когда вопрос о Финляндии стоял очень остро. Как держали себя мы? Я мог бы сейчас на этот счет прочесть несколько секретные приказы части приказов, которые перестали быть секретными, потому что события, которых они касались, отошли в прошлое. Из этих приказов упомяну приказ по 7-й армии относительно Карельской гварадии. Из слов оратора от фракции меньшевиков, здесь выступавшего, слышалось благожелательное предостережение: не наступать на земли государства по зал. границе, предоставив им вынужденным силам решать свою судьбу. Мы не в малой мере—скажу я в ответ—не собирались в в собираемся провоцировать, прямо или косвенно, какое бы то ни было в в государство, которые были здесь правильно названы вассалами Антанты.—и это, несмотря на то, что они провоцировали нас не раз. В то время, товарищи, когда мы борлись у Пулковских высот за судьбу Петрограда, финляндская белая гвардия обстреливала наши части не только из пулеметов, но и из орудий, летчики обрушивали на нашу территорию динамит. С точки зрения так называемого международного права этого за глаза достаточно, как причины прямого объявления войны или прямого перехода в наступление с нашей стороны. После первого периода затрушевский, во второй половине октября, мы сосредоточили в Петрограде и под Петроградом достаточно сил для отпора в

направлении Карельского участка. Как же мы себя держали? Я тут же скажу и могу в любой момент подтвердить официальными документами, что наш приказ командующему 7-й армией в отношении Финляндии гласит: несмотря на провокацию, на артиллерийскую стрельбу, на отдельные бесчинства вдоль границы избегать каких бы то ни было действий с нашей стороны, которые могли бы быть истолкованы, как наше желание, как наша попытка напасть на Финляндию. Разумеется, одновременно с этим были приняты меры, чтобы разъяснить финским рабочим наше нежелание сражаться против Финляндии, нашу полную готовность в расставании двух переходов от Петрограда торпеть буржуазную Финляндию,—под условием, чтоб финская буржуазия твердо поняла с своей стороны, что самостоятельная независимая Финляндия в расстоянии нескольких десятков верст от Петрограда может существовать лишь при том условии, если она в свои силы никогда не будет бросать на чашу весов, где разрешается судьба Петрограда. Повторяю: во второй половине борьбы мы были достаточно сильны для отпора, но мы сказали тамашнему командованию: «не отходить на провокацию; но если Финляндия вмешается, несмотря на это, если ты перейдет через границу, если сделает попытку ударить на Петроград, то отвечать ей полностью, не ограничиваясь отражением, перейти в наступление, идти до конца». Армии было приказано сделать ответственным за покушение на Петроград не только финляндскую буржуазия в целом, но каждого финского буржуа в Выборге и Гельсингфорсе в отдельности, всех их претрывать как бандитов, покушающихся на петроградский пролетариат.

В боях под Петроградом славою покрыл себя наш Балтийский флот, который, как с полным правом говорил здесь тов. Баранов,—сам моряк и член Революционного, Балтийский флот не только делал что мог, и что должен был на воде, в своей естественной стихии, но выбрасывал на сушу в критические моменты тысячи моряков, которые посылались в самые опасные места (аподисменты).

Если подвести итоги нашей операции на западном фронте, то здесь, несмотря на наши отступления на указанную мною линию, мы в общем итоге увеличили территорию Советской Республики на 40.800 кв. верст с населением около двух миллионов душ.

В дополнение еще два слова об аванюре Юденича. Его разбитая армия, как известно, перешла на эстонскую территорию. Наши войска стоят почти по линии Нарвы, которую мы считаем впрямь до каких-либо изменений, которые могут быть внесены в результате мирного договора, границей между Советской Россией и Эстляндией. Здесь я позволю себе на минуту вернуться к тому, что говорил представителю меньшевиков с этой трибуны, советовавший, (что вполне совпадает с нашей линией) не наступать на Эстляндию и Финляндию. Я обращаю его внимание на тот факт, что эстонское правительство, которое вместе с Юденичем наступало на нас и сражалось на нашей территории без каких бы то ни было powodов, со своей стороны включает в свой состав... эстонских меньшевиков. (Крики: «Срам! Стыд!»).

Борьба наша с Юденичем имеет некоторый педагогический интерес для Финляндии, Эстляндии, Литвы, Латвии и Польши. Мы говорили открыто, что в стратегическом отношении западный фронт не является для нас второстепенным фронтом, и поэтому это не самый сильный из наших фронтов. Но мы показали на аванюре Юденича, что в тот момент, когда с этого фронта угрожает опасность жизненным центрам нашей страны, наш командный и транспортный аппарат оказывается достаточно сильным и гибким, чтобы в нужное время перебросить в нужное место, нужное количество боевых дивизий. Как бы соблазнительным не казался наш фронт на том или другом участке для наших врагов, вспоминая о наших операциях против Юденича останется крепкой зарубкой в их сознании. Они будут помнить и

иметь в виду, что мы всегда найдем и в центре страны, и на других фронтах достаточное количество резервов для того, чтобы дать отпор всякому врагу, покушающемуся на Москву, Петроград или Тулу, откуда бы он не прорыл — через Нарову, через Западную Двину или Березину (аэтиодиоменты).

ЮЖНЫЙ ФРОНТ.

Нашим важнейшим фронтом сейчас является и до полного разрешения задачи остается наш южный фронт. Здесь, на юге, наша Вахда — на Дону и в Кубани. Война на юге — самая старая пражданская война. Она была начата казачьими силами прежде, чем чехо-словаки создали опору для «Учредительного Собрания» и Колчака на востоке. Здесь, на юге, мы в первом ходе этого года, начиная с января, нанесли жестокий, почти смертельный удар донским войскам Краснова. Наши успехи на южном фронте длились в течение января, февраля, марта и апреля, до середины мая. В середине мая мы получили крупный толчок в грудь, и стали откатываться. Этот удар был нанесен не одной дожкой армией, к ней присоединилась добровольческая армия Девякина, сев-ро-кавказская, кубанская и украинская. Только совокупность добровольческой, кавказской и донской армии дала перевес южной контр-революции над нашими войсками, которые в течение первых 4-х месяцев этого года нанесли тяжелый, смертельный удар армии Краснова, и подошли на 40 верст к Новочеркаску.

УКРАИНСКИЙ ФРОНТ.

Южный фронт соединился естественно с украинским фронтом. Но по происхождению украинский фронт связан не столько с нашим южным фронтом, сколько с западным. Украинский фронт был нами унаследован от германского империалиста. Крупный германского милитаризма означало приведение нашего украинского фронта в динамическое состояние. Мы двинулись с севера на юг, от Курска. Успех здесь был поразительный. Ничтожные силы, совместно с партизанами, в короткий срок отступили под общим руководством тов. Антонова-Овсеенко всю Украину. В мае мы захватываем Крым, в июле — побережья Черного моря.

Этот период освобождения южной Украины совпал с моментом соединения деникинских и царевских войск воедино. Неудачи наши на южном фронте, на донецком и царцынском направлениях, предвещали дальнейшие наши неудачи на украинском фронте. И там, и здесь враг был один. Исключительно быстрый темп наших успехов на Украине объясняется теми же причинами, что и темп наших успехов: крайней неустойчивостью украинской почвы. Многочисленная смена режимов на Украине распатала там социальные отношения и психологию, и превратила широкие круги крестьянства на продолжителный период в человеческий материал, которому крайне трудно сложиться в кристаллизованное общественное целое. Это относится, впрочем, и к неосознательной части украинского рабочего класса. Добрый десяток разных режимов менялся в течение двух лет, и под этими режимами твердо стоял на ногах только украинский кулак, который не зевал при всех режимах. Режим стоит и режим падает, а украинский кулак остается на месте хозяином деревни. Этот украинский кулак прибрал к своим рукам выгоду, ибо он пока еще твердо и решительно среднего, а тем более бедняка. Элементом анархии и разрушения всех вообще ослов человеческого существования на Украине является обнаглевший, выдавший все режимы, какие бываю на свете, и вооруженный до зубов украинский кулак. Можно сказать с уверенностью, что никакой режим на Украине не будет существовать и твердо стоять на ногах, пока не будет разоружен украинский кулак. Это есть первый задача тех красных войск, которые вступают в Украину. Сейчас украинский фронт целиком сливается с нашим южным фронтом, ибо враг там и здесь один и тот же. Этот враг — Деникин, ко-

тому украинский атак помог завладеть Украиной. Командование у нас общее и сейчас на Украину продвигаются регулярные части нашей Красной армии. Там может быть не будет легкого триумфального повстанческого шествия, ибо украинским войскам дан приказ не захватывать ни одного города, ни одного уезда, пока нет достаточных сил, чтобы этот уезд обеспечить со стороны прочной местной украинской Советской власти, а не сделать достоянием отдельных разнузданных банд (аплодисменты). Мы будем продвигаться планомерно. Я говорю, мы, потому, что в силу соглашения между украинским ЦИК и ВЦИК в июне этого года, у нас с украинской республикой армия объединена, командование объединено, и это остается во всей своей силе до тех пор, пока советский украинский хозяин не скажет нам, что разрывает эту связь. Мы уверены, что этого не будет никогда. Мы продвигаемся по Украине систематично, упорно, последовательно, и судьба Украины будет разрешена одновременно с судьбой Донецкого района, с судьбой Донской области, после чего будет разрешена и судьба Северного Кавказа.

Наступление наше сейчас происходит с успехом, которым мы можем быть в общем и целом довольны. Конечно, мы не отмерили еще тех пространств, которые отмерили на Востоке, где наши войска прошли на самом длинном направлении по линии птичьего полета 1,750 верст. На Юге мы прошли пока до тех пор, пока линия птичьего полета 250 верст, считая от того пункта, какой занимает фронт, когда Деникин был севернее Орла. Последний фазис нашего наступления развернулся во второй половине октября. Мы везде продвигались с жесточайшими боями. На юго-восточной части южного фронта мы имели успех в первый период. После того там обнаружилась заминка, которую главное командование с достаточным основанием рассматривает, как временную. Сейчас мы продвигаемся больше центром и правым флангом, но это явление, которое определяется временным распределением сил наших и врага, координациями справа и слева фронта. В общем, перевес сил на этом фронте на нашей стороне, инициатива в наших руках, резервы у нас есть, снабжение есть, твердое командование есть, одним словом, обеспечена полная победа над Деникинским и южной контр-революцией (аплодисменты).

Товарищи, так как мы сейчас на всех фронтах продвигаемся с впечатительной быстротой, то та карта, которую я передал, уже до известной степени относится к прошлому. Эта карта от 27 ноября, а теперь — 6 декабря. За этот период мы взяли следующие города: Остер, Козелец, Лебедин, Ахтырку, Прилуки, Лохвицу, Гаяч, Трайворон, Павловск, Новый Оскол, Хотмыжск. И как сообщали нам, хотя это официально еще не доложено, нами взят Богодухов, так что мы находимся теперь в 40 верстах от Полтавы и в таком же расстоянии от Харькова (аплодисменты). В промежуток от составления карты до сегодняшнего дня на юго-восточном фронте взяты следующие города: Калач, Ст. и Нов. Крюшпа, станция Букановская. На Туркеставском фронте нами занято укрепление Уильское. На восточном фронте: Атбасар, Акмолинск, Семипалатинск, Павлодар, Славгород, Каинск.

ДЕНИКИН И КОЛЧАК.

Деникин был, несомненно, для нас гораздо опаснее Колчака. Колчак, чем больше имел успех, чем больше продвигался на запад, тем больше удалялся от основной своей базы, от Японии и Америки, и висел на этой тонкой ниточке Сибирской железной дороги. Деникин, чем больше был его успех, тем больше приближался он к основной своей базе, к Англии, к черноморским портам, к западному фронту, где по сухопутью мог установить и пытался установить связь с богатыми источниками всякого снабжения — Англией и Францией.

БЕЛАЯ И КРАСНАЯ КАВАЛЕРИЯ.

Кроме того, Деникин был и остается «еще сейчас в известной мере богатым тем родом оружия, которое труднее всего создается—кавалерий. Если в тяжелой позиционной империалистической войне кавалерия, как бы ни оценивать ее работу, была подсобным родом оружия, то в нашей «легкой» — по быстрой отступлений и наступлений, во имя тех жертв, которые она вызывает — в нашей полевой маневренной войне кавалерия играет огромную, в некоторых случаях решающую роль. Кавалерия не может быть импровизирована в короткий срок, она требует специфического человеческого материала, требует дроссированных лошадей и соответственного командного состава. Командный состав кавалерии составлялся либо из аристократических, по преимуществу, дворянских фамилий, либо из Денской области, из Кубани, из мест прирощенной конницы. Во всех странах и почти во все эпохи конница была наиболее консервативным и привилегированным родом оружия. В гражданской войне конница представляла всегда огромные затруднения для революционного класса. Армия Великой французской революции это дало не легко. Тем более, у нас. Если возьмете списки командиров, которые перебескали из рядов Красной армии в ряды белой, то вы найдете там очень высокий процент кавалеристов. Перевес конницы в первую эпоху борьбы послужил в руках Деникина большой службой и дал возможность нанести нам ряд тяжелых ударов. Но Советская Республика сказала пролетариату, что он должен сесть на коня, приказала металлосту, текстильщику, пекарю стать кавалеристом, и он выполнил этот долг по отношению к Советской Республике.

b

Наряду с этими красными казаками, о которых с совершенно справедливой гордостью говорил тов. Ползуин, сам красный кубанский казак, мы имеем массу кавалеристов из московских, питерских, являновознесенских и других пролетариев. Пролетарий выполнил приказ Советской Республики и о! на коня, и этот несомненный успех в области создания кавалерии свидетельствует о том, что путь, который был вами предвещан, путь правильного методического строительства на тех основах военного искусства, которые явились не случайно и которые нельзя замочить по произволу, ибо они являются отражением общего технического и всякого иного развития человечества в положительных и отрицательных чертах, что этот путь тропительства оправдал себя, именно на этом пути сочетания революционного энтузиазма с правильной, методической организацией мы обрели чистую независимость и неприкосновенность границ Советской Республики.

О ПАРТИЗАНЩИНЕ.

Товарищи, в связи с этим стоит задача, с которой мы встретимся в тех областях, которые силою красных армий теперь приобщаются или снова возвращаются в семью нашей Федеративной Советской Республики. Я говорю об Украине, о Северном Кавказе, о Туркестане, о Сибири. Во всех этих областях имеется огромное количество повстанцев рабочих и крестьян с винтовкою в руках, которые там боролась против контр-революции своей или чужеземной, и с которыми мы теперь соприкасаемся непосредственно, и чем дальше, тем больше. На Украине мы уже приплы в непосредственное сотрудничество с украинскими повстанцами. В Сибири целые области и губернии приобщаются к Советской России благодаря повстанцам. То же самое будет на Северном Кавказе после того, как наш юго-восточный фронт двинется. — а это будет скоро. — решающий удар правому флангу армии Деникина. Статкиваясь с партизанами, мы должны ясно определять свою политику по отношению к ним. А в этом отношении мы, товарищи, кое-чему научились.

Партизанство имеет свою орбиту, свою определенную линию развития. Оно имеет чаще всего первоначальное ядро из наиболее самоотверженных рабочих и революционных крестьян. Вокруг него обростают затем дальнейшие эшелоны, по мере того, как партизанство имеет успех. И, наконец, когда успех становится явным и несомненным, тогда приливают искатели приключений, бандиты, охотники до легкой наживы. И в партизанство сочетаются таким образом элементы героизма, анархии и бандитизма, самоотверженности со всеми видами нравственного озверения. Чем больше партизанство застаивается, чем оно дольше удерживается в своем партизанском состоянии, тем больше оно вырождается в чепичество, на подобие балканских вооруженных банд, которые режут друг друга на спине обираемого и расхищаемого или мучжакка.

И эта опасность теперь снова вырастает перед нами на Украине, и в несколько меньшей степени на Северном Кавказе, в Сибири, в Туркестане. Мы с самого начала должны выступить в этом вопросе во всеоружии своего опыта.

Украина должна быть и будет самостоятельной страной—достоинством украинских рабочих и крестьян (аплудим.). Но отдаленные группы повстанцев не являются олицетворением или воплощением воли украинских рабочих и крестьян. Украинский пролетариат и крестьянство свою волю выражают в своем советском государственном, хозяйственном и культурном творчестве, и поскольку это творчество будет развиваться в форме национальной украинской культуры, на украинском языке, разумеется, никто из нас никогда не попытается положить камень на пути развития свободной Советской Украины. Более того, именно потому, что украинский народ был угнетенным народом, придавленным империалистами-руссификаторами, среди него есть и будет еще долго чувствительность в отношении ко всяким выпадкам и заявлениям, которые могут быть истолкованы, как посяхение на украинский язык, украинскую школу и культуру. Было бы одинаково противно и принципу и деловым соображениям текущей политики эту чувствительность прямо или косвенно задавать. Наоборот, как превосходно выразился товарищ Раковский, необходимо приложить все силы, чтобы украинский язык стал языком коммунистического просвещения украинских трудящихся масс. Но этого вопроса нельзя смешивать с вопросом о партизанстве. Товарищи украинцы, вопрос о партизанстве не есть вопрос о национальной культуре или языке, это есть вопрос военной цели целесообразности. Нет разницы для нас между партизанами на Украине, в Сибири и на Северном Кавказе! И если мы позволим украинскому партизанству застояться в надежде, что из него сложится украинская армия, мы во второй раз погубим Советскую Украину на этот раз надолго. Как же быть? В партизанских отрядах, сказали мы, есть элементарной и даже шротположительной ценности. Партизанские отряды, раз до них юхнет наш основной фронт, должны оставаться в тылу для глубокого внутреннего переформирования. Из этих отрядов должна быть выкинута вся сорная трава, лучшие элементы должны быть подвешены в обязательном обучении и дисциплинировании. И мы отдаем прямой приказ армиям, когда они сталкиваются с партизанами, не принимать непосредственно и сразу в действующие части ни одного отряда, ни одного добровольца, не проведя их предварительно через запасные части, находящиеся в тылу. Если подлинный доброволец, честный рабочий или крестьянин желает бороться за дело рабочего класса, он на себя такую жертву возложит, чтобы в запасном батальоне в течение месяца обучиться и в строевом, и в тактическом, и в политическом отношении тому, чему мы обучаем Красную армию. Если же не захочет, то значит под видом добровольца идет бандит, таких не мало, которые из тех, что выступают в армию для грабежа, насилие и разорения украинских крестьян. Такому не может быть места в наших рядах. И я не

сомневалось, что при полном одобрении и при полной поддержке всего, что есть сознательного и честного на Украине, всех передовых рабочих и крестьян мы будем через посредство организованной военной силы, проводить твердую и непреклонную политику в отношении партизанства. Добровольцы Махно, разумеется, представляют опасность для Деникину, поскольку на Украине господствуют Деникинцы, но, с другой стороны, они же предали Украиную Деникинцу. И завтра, после освобождения Украины, махновцы станут смертельной опасностью для рабоче-крестьянского государства. Махновщина, товарищи, не есть явление национальной украинской культуры, нет—это есть национальный украинский парыв, и он должен быть вырезан раз навсегда (апплодисменты).

И Т О Г И.

Таковы, товарищи, те соображения, которые и мог вам предложить относительно военного строительства в тылу и относительно работы красных полков на фронтах. Все позволяет думать, что предшествующая длительная подготовительная работа обеспечила нам не случайные переходящие победы, а легла залогом полной и окончательной победы на всех фронтах и непосредственно на нашем главном, наиболее опасном южном фронте. п

Стало быть, и это есть основной вывод, к которому мы вправу придти. стало-быть, советский режим создал армию по образцу и подобию своему, и эта армия научилась побеждать. Это, товарищи, и малый вывод для оценки всей нашей работы и для всего нашего дальнейшего строительства. Великий из нас знает, что армия является не чем-то лишним по отношению к данному обществу, а отражает все его стороны—и слабые, и сильные. Почему независим рабочему классу милитаризм? Потому, что при буржуазном, дворянском классовом строе он возвышается над трудящимися массами, как увенчанные их работа, господство дворянина и капиталиста принимает в военной сфере отчужденное, яркое, отчужденное, особенно тязкое выражение. Экономическая зависимость крестьянина или рабочего от хозяина-бюгача в армии превращается в отчетливую субординацию дворянского или буржуазного офицера над солдатом пролетарием или крестьянином, субординация, которая является не только военной, но и социальной, классовой. Поскольку французская республика внешнею формою и рамками демократии обманывает народные массы, постольку и в армии развита фразеология демократии, для того, чтобы там вернее закабалить французских рабочих, в виде солдат, интересам французской бюржи. Вседе, какую вы страпу вы возьмите, какие бы формы социальных отношений там ни были, армия отражает их целиком, она переводит на свой отчетливый уставной командный язык основные черты социального и государственного режима. Стало-быть, исторически верно, что война является жестоким, но черным периодом полным экзальмом для крепости общественных организмов. Конечно, могут быть случаи, когда организм здоровый будет в войне все же разбит, потому что против него будет большая материальная сила. Но не может быть случая, товарищи, нет, не может быть случая, когда бы организм гиблой, ветодный, разлагающийся, «улирающий» способ был создать крепкую, боеспособную армию. Вот вывод, к которому мы приходим.

Я снова вспоминаю и наши решения 22 апреля прошлого года в Ц. И. К., и сегодняшнюю иklarацию докладчика от оппозиционной партии, вспоминаю и соединяю их в своем сознании. Нам говорили (это был Мартов): «Вы армия не создадите,—говорили 22 апреля прошлого года,—не создадите, но фундамент гилл». Но мы армию создали. Сегодня Мартов нам говорит, что мы повзгали свою силу в военной области и в дипломатической, что мы стоим там на высоте. Я уверяю, что говорю без задних мыслей и без отпеша про-

нии, что у меня было чувство радости, когда Мартов, говоря о нашей армии и о нашей международной борьбе, сказал «мы», ибо этим он как бы приобщил известную идейную и политическую силу к нашей работе, а слыты нам нужны. Но в декларации он сказал: «Прозвезд, анarchy, распад, умирающие советские учреждения, умирающая конституция». И спрашиваю каждого из вас, каким образом режиму, картину которого нарисовал в декларации Мартов, режиму произвола и анархии, с умирающими советскими учреждениями, каким образом этому режиму, удасться создать армию, которая, по сознанию Мартова, стоит на высоте: армию, против которой стоят не 14 врагов, как говорил Черчилль, я пытаюсь подсчитать, сколько их, и оказалось, по национальному составу 21 враг, в то же время один враг—международная контрреволюция, мировая буржуазия. В борьбе с ней, на могущей, наша Красная армия оказалась на высоте. Это признали те противники, которые полтора года назад говорили: «Вы армии не создадите», теперь они говорят: «Вы армию создали и хорошую армию». Да и как не сказать, когда армия на пространстве 9—10 тыс. верст побеждает врага мобилизованного и вооруженного мировым капиталом. Да, эту армию создали мы,—и кто мы?—рабочие и крестьяне, носители советского строя. Они создали ее. Стало быть, тот строй, который эту армию породил, питает и держит на себе, есть строй крепкий и здоровый. В нем нет уцерб, недочетов, царапины и щели. Их указать пальцем легко. Советский механизм и его конституция работают не идеально, ибо лучшие силы Московского Совета, Петроградского Совета и всех Советов России борются и умирают на фронтах. Что мы, признаем, что, умирая, они нарушают иной раз такой-то параграф Советской конституции, но утешим я их, и себя тем, что они спасают Советскую Республику и революцию. Та армия, которая вами создана, есть плоть от вашей плоти и дух от вашего духа. Это наша живая и вооруженная Советская конституция. Ибо наша солдаты сражаются и умирают под лозунгом: «Да здравствует Советская Россия! Да здравствует мировая Республика рабочего класса!». (Продолжительные аплодисменты).

